

МИФОЛОГЕМА ПУТИ В РОМАНЕ И.БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

А.Ж.Алламуратова – кандидат филологических наук, доцент
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха

Г.Ж.Алламуратова – кандидат филологических наук
Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза

Таянч сўзлар: мифлаштириш, бадий макон, харакат, йўл ғояси, йўл тимсоли, горизонтал ва вертикал, давр жараёнлари.

Ключевые слова: мифологизация, художественное пространство, движение, идея Пути, образ дороги, горизонталь и вертикаль, пороговые ситуации.

Key words: mythologizing, artistic space, the movement, the idea of the Way, the image of the road, horizontal and vertical, limit events.

Многие исследователи отмечают, что в XX веке появляется «особый тип мифологизации: мифологизация отдельных исторических событий и исторических лиц, литературных персонажей...» [8:22]. Подобный тип мифологизации был присущ и русской литературе. И если иметь в виду эмигрантскую литературу, можно вести речь о мифологизации целой исторической эпохи – до октябрьской жизни России.

Художественное пространство романа И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева» – сложный и очень насыщенный образ мира с очевидным преобладанием знакового характера пространственных образов. Экзистенциальные мотивы, связанные с поисками высшего смысла существования, высшей истины, являясь определяющими для движения Арсеньева, выражают идею Пути, заявленную уже в самом начале романа и организующую повествование. Мифологема Пути человека, имеющая древнейшую традицию в мировой культуре, является основой жизнеописания Арсеньева.

Возможность метафоризации концепта пути (путь как жизнь) базируется на архетипическом представлении движения как процесса, способного иметь сакральную природу и направленного на трансформацию внутреннего и или внешнего мира. Мифологема пути в литературе тесно связана с пространственными (верх – низ, право – лево, внешний – внутренний и т.д.), временными (прошлое, настоящее, будущее, доследование, предшествование).

Основу пространственной организации и образности «Жизни Арсеньева» составляют представления о семиотике «верха» и «низа» пространства, его «открытости» и «закрытости» как универсальных началах миропорядка, на фоне которого показано движение главного героя.

Мифологема Пути человека, имеющая древнейшую традицию в мировой культуре, является основой жизнеописания Арсеньева. Путь героя в романе предстает двойственно. С одной стороны, это жизненный, мирской путь с человеческими радостями и горестями, обретениями и потерями, открытиями и ошибками. С другой стороны, это путь духовных исканий, путь человека как существа духовного, путь как индивидуальное становление и движение к высшей Истине, поиском которой задано движение и которая находится вне времени и пространства, то есть это Путь к Богу.

Идея пути находит в «Жизни Арсеньева» выражение в ряде пространственных образов, среди

которых самым частотным является «сквозной» образ дороги.

Роман фактически начинается с описания путешествия: «Из этих событий на первом месте стоит моё первое в жизни путешествие, самое далёкое и самое необыкновенное из всех моих последующих путешествий... Тут я впервые испытал сладость осуществляющейся мечты, а вместе с тем и страх, что она почему-нибудь не осуществится. Помню до сих пор, как я томился, стоя среди двора на солнечном припеке и глядя на тарантас, который ещё утром выкатили из каретного сарая: да когда же наконец запрягут, когда кончатся все эти приготовления к отъезду? Помню, что ехали мы целую вечность, что полям, каким-то лошинам, просёлкам, перекрёсткам не было счёта» [1:5]. В первой части романа «Юность» эта мифологема представлена в тесном переплетении с понятиями времени, вечности.

Если сравнить реализацию мифологемы Пути в первой и последующей частях, то становится видна её эволюция: от стремления к празднику, открытости к потерям, бездомности: «В поле уже душно, жарко, дорога среди высоких и недвижных хлебов узка и пылит, кучер барственно обгоняет мужиков и баб, тоже наряжённых и тоже едущих к празднику. В селе весело замирает сердце от спуска с необыкновенно крутой каменистой горы и от новизны, богатства впечатлений» [1:5].

Все меняется в зрелые годы, когда наступает разочарование и опустошение: «Сказочная дорога в город, в котором я не был со времени моего первого знаменитого путешествия, самый город, столь волшебный некогда, – всё было теперь уже совсем не то, что прежде, ничем не очаровало меня... В тот день, когда я покинул Каменку, не зная, что я покинул её навеки, когда меня везли в гимназию, по новой для меня, Чернавской дороге, я впервые почувствовал поэзию забытых больших дорог, отходящую в преданье русскую старину. Большие дороги отживали свой век... Помню, под Становой я на минуту приостановился. Наступала ночь, в поле стало ещё угрюмей и печальней. Ни души, казалось, не было не только на этой глухой, всеми позабытой дороге, но и на сотни вёрст кругом Я ехал большой дорогой и дивился её заброшенности, пустынности» [1:5].

Арсеньев — герой открытого пространства. С детства смыслом движения для Арсеньева было

познание, целью — недоступная Истина. В картине мира романа сакрально отмеченными предстают образы открытого пространства, простора и прежде всего дали — той части видимой сферы, где «горизонталь» переходит в «вертикаль», где осуществляется связь Неба и Земли, где есть возможность для движения — развития.

Характер будущего пути Арсеньева помогают понять также пространственные образы, создающие картину сложного, трудного, запутанного движения, рисующие ситуации распутия, выбора пути: сплетение улиц, больших и малых дорог, перелески, перекрёстки, а также их редуцированные варианты: железные дороги, площади, вокзалы: «Помню, что ехали мы целую вечность, что полям, каким-то лощинам, проселкам, перекресткам не было счёта...перекресток двух аллей и на нём великолепный столетний клен, который раскинулся и сквозит на ярком и влажном утреннем небе своей огромной раскрытой вершиной... проехали длинную и широкую улицу, уже показавшуюся мне бедной по сравнению с той, где была наша гостиница и церковь Михаи-

ла Архангела, проехали какую-то обширную площадь, и перед нами опять открылся вдали знакомый мир» [1:5].

Отличительной особенностью движения Арсеньева является пересечение «границ» семантических полей, границ между различными формами существования и прохождение так называемых «пороговых» ситуаций. Характер движения Арсеньева на пути передают, наряду с выше названными образами неба, храма, дороги, звезды, дали, простора, такие пространственные образы, как бездна, склеп, ждущая могила, гроб, ворота, окно, море, царские врата в храме, дом, а также существенные трансформации хронотопа неба.

Очевидно, что в формировании личностного мифа И.Бунинным мифологеме Пути отводилась главенствующая роль — как колыбели человеческого рода, его духовной родины, обладающей мощной центроостремительной энергией и вследствие этого занимающей важнейшее место в иерархии космического всеединства.

Литература

1. Бунин И. Жизнь Арсеньева. — М.: 2011.
2. Волков А. Проза Ивана Бунина. / А.Волков. -М.: Московский рабочий, 1969.
3. Долгополов Л.К. О некоторых особенностях реализма позднего Бунина. (опыт комментария к рассказу «Чистый понедельник»). // Рус. лит. 1973. № 2.
4. Климова Г.П. Художественный мир И.А.Бунина. — М.: 1991.
5. Котляр Л. Художественная проза Бунина 1917-1953 годов. - М.: 1967.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М.: «Искусство», 1970.
7. Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А.Бунина: язык пространства. Екатеринбург: МУМЦ «РО»: НОУ «Фонд «Созидание», 1999.
8. Шарыпина Т. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX-XX вв. - Нижний Новгород: 1995.

РЕЗЮМЕ

Мақолада И.Буниннинг «Арсеньев ҳаёти» романидаги мифологема масаласининг ифодаланиш йўллари ва воқеалари таҳлил қилинади. Муаллифлар бадий макон ва асосий образларга этибор қаратади.

РЕЗЮМЕ

В статье анализируется мифологема Путь и способы её выражения в романе Ивана Бунина "Жизнь Арсеньева". Авторы рассматривают художественное пространство романа и основные временные образы.

SUMMARY

The article deals with the analysis of the mythologeme «Way» and ways of its expression in the novel "The Life of Arseniev" by Ivan Bunin. The authors study the artistic space of the novel and the main characters.

ҚАРАҚАЛПАҚ ЭПОСЛАРЫНЫҢ ГЕНЕЗИСИНЕ ТИЙКАР БОЛҒАН СЮЖЕТЛИК МОТИВЛЕР ХӘМ ОНЫҢ СЫРТ ЕЛ АЛЫМЛАРЫ ТӘРЕПИНЕН ҮЙРЕНИЛИҢИ МӘСЕЛӘЛЕРИ

К.Алламбергенов – филология илимлериниң докторы, профессор

Г.К.Алламбергенова - өз бетинше излениўши

Әжияз атындағы Нөкис мәмлекетлик педагогикалық институты

Таянч сўзлар: генезис, типология, «Шариёр» достони: олтин, кумуш хайдарли боланинг туғилиш мотиви, «Шариёр» ва «Мунглик Зорлик», «Шариёр» ва «Салтан падшоҳ ҳақидаги эртак», «Едиге» достони нурдан, қуёшдан ёки кабутар (қуш) қиёфасидаги паридан (сув парисидан) илоҳий туғилиш мотиви, «Қирик қиз» достони: аёллар подшоҳлиги ёки матриархат давридаги хотин-қизларнинг устунлиги мотиви, Ш.Валиханов, В.М.Жирмунский, Ш.Маржани, И.В.Толмачёв, С.Ошеров, Е.М.Мелетинский, С.Қасқабасов, И.А.Беляев, Н.Каразин ва ҳ.к. чет эл олимларининг қиёсий — типологик тадқиқотлари.

Ключевые слова: генезис, типология, дастан «Шарияр»: мотиврождения ребёнка с золотым и серебряным айдаром, «Шарияр» и «Мунлык-Зарлык», «Шарияр» и «Сказка о царе Салтане», дастан «Едиге», мотивы божественного рождения от лучей, солнца, птицы (голубя) и русалки, дастан «Сорок девушек», мотивы господства женщин и девушек в период матриархата, сопоставительно-типологические исследования зарубежных учёных Ш.Валиханова, В.М.Жирмунского, Ш.Маржани, И.В.Толмачёва, С.Ошерова, Е.М.Мелетинского, С.Қасқабасова, И.А.Беляева, Н.Каразина и других.

Key words: genesis, typology, epos «Sharyar», motive of the child's birth with gold and silver hair (aidar) «Sharyar» and «Munlik Zarlik», «Sharyar» and «A fairytale about the tsar Saltan, epos «Edige»: motive of godlike birth from rays, the sun, a bird (dove) and a water nymple: an epos «Kirk kiz», motives of women's domination at the matriarchy period: